

Народное творчество

ВЫ ХОТИТЕ ПЕСЕН?

Письмо в редакцию «Коммуны» комментирует народная артистка СССР Мария Мордасова

«Дорогая редакция! Извините за беспокойство, но меня интересует один вопрос: где можно купить пластинки с любимыми моими песнями. В магазинах г. Воронежа продают много хороших пластинок, но они для молодежи. У меня дома, у сыновей, есть магнитофоны, а песни поют все какие-то не русские, порой даже прошу, чтобы выключили свою музыку. Я от людей слышала, якобы есть около цирка, я не знаю, как правильно назвать это заведение, в общем там можно записать любую песню.

В один день я побывала там. Молодой человек мне вежливо ответил, что у них нет таких пленок, и я пошла оттуда с огорчением, что мне не найти того, что хотелось. Вот

примерно какие песни я хотела бы иметь и вечерами слушать их:

1. Окрадился месяц багрянцем.
2. В темную ночь ты, любимая, ждешь.
3. Имел бы я златые горы.

И еще много таких песен, всех не перечислю.

Еще раз извините меня, может, вам моя просьба покажется смешной, но что делать, кому что нравится.

М. А. БРЫКИНА».

Высказать свое мнение по поводу этого письма мы попросили народную артистку СССР Марию Николаевну Мордасову. Ниже публикуем ее выступление.

Вопрос, который поднимает читательница «Коммуны» М. А. Брыкина, не может не волновать: в центре России (а географическое положение Воронежа именно таково) невозможно найти русскую песню. Тут я сразу же предвижу возражения. Кое-кто поспешит напомнить мне: у нас есть государственный хор русской народной песни, ансамбль «Воронежские девочки», десятки и сотни городских и сельских любительских коллективов, к чему же обострять положение? Но факт налицо. Пожелала женщина, работница и домашняя хозяйка, мать семейства (сужу по тем скромным сведениям, которые содержатся в ее письме), получить в свое распоряжение записи нравящихся ей песен и не смогла этого сделать.

Не в порядке обострения вопроса, а просто в целях прояснения истины хочу добавить вот что. Не так давно в ФРГ побывал один наш воронежский художник. Гуляя по улицам Бонна, он с товарищами заглянул в музыкальный салон, наподобие того, в котором получила вежливый отказ М. А. Брыкина. В шутиливой форме товарищ так излагал эпизод.

«Вы хотите песен? — спросила работница, встречающая посетителя, и тут же сообщила: — Их есть у меня». Не мешкая, она предложила каталог, естественно, начинающийся с немецких произведений вокального творчества. Перебрали итальянский раздел каталога, английский, французский...

«А русские песни у вас есть?» — заинтересовался художник и его товарищи. «О, русские песни! — воскликнула работница. — Как можно без них!» И она выложила перед гостями новый гроссбух. Не берусь точ-

но утверждать, но подозреваю: в этом западногерманском гроссбухе вполне могли быть и те песни, которые ищет М. А. Брыкина. Потому что речь идет о таких культурных ценностях, которые давно и по праву получили признание во всем мире.

С этого и начнем поиски ответа на интересующий нас вопрос. Русская песня своими корнями уходит в глубокую древность, когда люди не знали не только нотной, но и обычной грамоты — просто потому, что они еще не были изобретены. За многие века своего бытования эта песня научилась выражать самые сокровенные думы и чаяния русского человека. Возрождению ее в наше время немало содействовали такие люди, как наши видные земляки М. Е. Пятницкий и К. И. Массалитинов. Особый успех на ее долю выпал в годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы. И причину этого нетрудно понять. Песня стала оружием гнева и печали. Она помогала воевать, строить, жить.

В более позднее время положение несколько изменилось. Периоды разрядки в международных отношениях усилили культурный обмен между странами. К нам пошел поток песенного творчества с Запада, так же, как многое пошло и от нас на Запад. И этот процесс можно считать вполне нормальным, даже весьма желательным. Он происходил в прошлом, происходит сейчас и будет происходить всегда.

К сожалению, из-за некоторых неразборчивых увлечений этот процесс принял односторонний характер. В свое время К. И. Массалитинов, большой знаток и ценитель русской народной музыки, с едкой прозой высказывался в

адрес новоявленных «бардов» и «менестрелей», которые, кое-как овладев примитивными «ритмами», претендовали едва ли не на роль музыкальных знаменосцев эпохи.

Мне приятно отметить, что телевидение и радио (центрально и местное) стали больше внимания уделять классической и народной музыке, возросла популярность многих любительских концертов. Вместе с тем я все же далека от того, чтобы считать вопрос снятым с повестки дня. И письмо в редакцию — отнюдь не лишнее тому доказательство.

При его внимательном чтении видишь, что музыкальные интересы семьи весьма различны: молодежь в лице сыновей все чаще находится в плену лихих «ритмов», а старшее поколение в лице матери сохраняет верность народной музыке. Тут есть возможность наглядно сопоставить, сравнить, может быть, поспорить по поводу того, что хорошо, а что плохо. Да только, как эту возможность реализовать? Любители «ритмов» в домашней дискуссии выступают во всеоружии магнитофонных кассет и пластинок, а что остается предпринять любителю народной музыки? Его положение куда менее выгодное.

Кое-кто в обстановке, какую очень точно передает М. А. Брыкина, наверное, пожелает усмотреть «конфликт разных поколений». Но было бы более правильным рассматривать его как конфликт разных эстетических установок, разных вкусов. Поддерживая М. А. Брыкину, я вовсе не хотела, чтобы вопрос ставился по принципу: либо одно, либо другое, т. е. либо вокально-инструментальная, либо народная музыка.

Вместе с тем приоритет

должен быть обеспечен за классической и русской народной музыкой. Ведь они — наша гордость, средство выражения национального самосознания. А вот этого приоритета пока не достигнуто.

М. А. Брыкина, насколько я ее понимаю, посетила один из пунктов службы быта, где хотела получить запись понравившихся ей песен. У меня опыт по этой части значительно шире и, увы, печальнее. Вот уже несколько лет не только служба быта, но и торговая сеть не могут удовлетворить моего интереса к творчеству Шульженко, Руслановой, Зыкиной и других замечательных певиц и певцов.

Неудобно говорить о себе, я бы этого никогда не позволяла, если бы не одно обстоятельство. Ко мне и устно, и письменно обращаются с просьбой поделиться пластинками с моими записями. А я отказываю по той причине, что таких не имею в своем распоряжении. Те, что были, давно разошлись, а новые когда-то будут...

Люди не верят этому. Говорят: «Как же так? Теперь отношение к народной песне изменилось». Изменилось, да не у всех. Кто-то явно ориентируется на моду вчерашнего дня.

Группа молодых людей (которые между прочим, интересуются не «авангардистской», а народной музыкой) пожаловалась мне на работу наших воронежских дискотек. Я себя не считаю специалистом в этом деле, но, если верить ребятам, некоторые дискотечки по-прежнему тяготеют к ВИА в их худшем варианте.

Считаю, что в ряде случаев руководители дискотек допускают еще одну ошибку. Следующим добрым побуждением, они в программу одного вечера включают рассказ о творчестве Вивальди или Прокофьева и рассказ о битлах. Тут как бы подспудно предполагается цель не только дать ценную, информацию людям, но и развлечь их. При этом рассказ о великом композиторе и рассказ о людях, ничего действительно великого не совершивших, ведется, что называется, в одной тональности. При таком подходе скрадывается разница между подлинными ценностями и поверхностными мнимыми, фактически неискушенные слу-

шатели вводятся в заблуждение.

Настораживает и упорное нежелание некоторых дискотечников ввести русскую народную тему в свой разговор. Я имею в виду, конечно, песню. Жизненный опыт Массалитинова, Захарова, Левашова и многих других замечательных советских композиторов, прикоснувшихся к этому жанру, свидетельствует о его редкостной гибкости, о способности отвечать на все без исключения душевные и общественные запросы. Она бывает и серьезной, и забавной, и грустной, и буйной, способна сопровождать человека в его заботах, и в его отдохновении. Она не чужается ни новых тем, ни новых способов подхода к их решению. Единственно, чего не переносит она, так это грубости и пошлости.

Я много раз задумывалась над этим и, признаюсь, не нахожу сколько-нибудь убедительного объяснения. А может быть, ребята и девчата, горящие желанием проявить себя на поприще музыкальной пропаганды, просто не знают этих особенностей русской народной песни? Вот и ищут жемчуга где-то на стороне, прохватав мимо богатства только потому, что они под боком, протяни руки к ним и черпай полными пригоршнями. Но если это так, тогда мы имеем дело с очевидным и досадным просчетом в подготовке кадров руководителей художественной самодеятельности, массовиков - организаторов досуга молодежи. Тут есть над чем подумать и культработникам, и хоровому обществу, и обществу «Знание», и всем тем, кто учит музыке и так или иначе причастен к ней.

Итак, вы хотите русских песен? Они есть у нас, и они должны быть доступны в полной мере.

Что касается конкретной просьбы читательницы «Коммуны» М. А. Брыкиной, то я полагаю, что в ожидании, пока будет найден фундаментальный выход из положения (а он, несомненно, будет найден, но для этого требуется время), мы могли бы помочь автору письма одним простым и эффективным способом. А что если бы воронежское телевидение отнеслось к ее письму как к просьбе исполнить указанные песни в одной из очередных передач? Уверены, что под такой просьбой охотно подлинится многие читатели «Коммуны» и многие телезрители.

Мария МОРДАСОВА,
народная артистка СССР.